

Бердяев Н.А. Конец Ренессанса (к современному кризису культуры)

Разбивка страниц настоящей электронной статьи соответствует оригиналу.

СОФИЯ
ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ
И
РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. А. БЕРДЯЕВА
I
ОБЕЛИСК

Н. Бердяев

**КОНЕЦ РЕНЕССАНСА
(К СОВРЕМЕННОМУ КРИЗИСУ КУЛЬТУРЫ)**

Школьное деление истории на древнюю, среднюю и новую скоро устареет и будет изгнано из учебников. «Новая история» кончается и начинается неведомая, не имеющая еще имени историческая эпоха. Мы выходим из всех привычных исторических берегов. Это остро почувствовалось, когда грянула мировая война. Тогда уже людям более дальнорким было ясно, что возврата к той мирной «буржуазной» жизни, которая была до разразившейся катастрофы, нет. Изменяется темп истории: он делается катастрофическим. Так всегда бывает при переходах к новым историческим эпохам. Люди, чуткие к грядущему, давно уже чувствовали наступление катастроф и видели духовные их симптомы под внешними покровами мирной и благоустроенной жизни. В духовной действительности события разыгрываются раньше, чем во внешней исторической действительности. В душе современного человека что то расшаталось и расплавилось раньше, чем расшатались и расплавились исторические тела. И то, что ныне весь мир переходит в состояние расплавленности, не должно удивлять тех, которые были внимательны к движению духа. В наши внешние дни кажется, что расшатываются старые, вековечные основы европейского мира. Все в европейском мире сдвигается с своих привычных и устойчивых мест. Нигде и ни в чем не чувствуется твердой почвы, — почва вулканична и возможны извержения повсеместно и в материальном и в духовном смысле слова. Старый свет, центральная Европа, одолевается Новым светом, крайним Западом, Америкой, и крайним Востоком, загадочной для нас, почти призрачной Японией и Китаем. И изнутри, в старой Европе, поднимаются стихийные начала, опрокидывающие основы, на которых покоилась ее древняя культура, связанная еще с античностью. Близоруко было бы отрицать, что Европе предстоит пережить кризис культуры, имеющий значение всемирно-историческое, последствия которого уйдут в далекое, неведомое грядущее. Наивно и поверхностно было бы думать, что можно просто задержать внешними способами тот разрушительный вихревой процесс, которому подвергается наш старый, грешный мир, и вернуться, с небольшими изменениями, к той старой жизни, которой жили до мировых катастроф войны и революции. Мы вступаем в царство неведомого и неизжитого, вступаем безрадостно, бес светлых надежд. Грядущее темно. Мы не можем уже верить в теории «прогресса», которыми увлекался

XIX век и в силу которых нарождающееся будущее всегда должно быть лучше, прекраснее и отраднее отходящего прошедшего. Мы более склонны верить, что лучшее,

прекрасное и отрадное находится в вечном, а не в будущем, и что было оно и в прошлом, насколько прошлое приобщалось к вечному и творило вечное.

Как осмыслить тот кризис европейской культуры, который давно уже начался на разных концах и который ныне достигает своего предельного внешнего выражения? Кончается новая история, которая зачалась в эпоху Ренессанса. Мы переживаем конец Ренессанса. На вершинах культуры, в творчестве, в царстве искусства и царстве мысли давно уже чувствовалась исчерпанность Ренессанса, конец целой мировой эпохи. Искание новых путей творчества и было выражением конца Ренессанса. Но то, что происходит на вершинах жизни, то имеет свое выражение и в низах. В самых низинах социальной жизни готовится конец Ренессанса. Ибо Ренессанс означал целый тип мироощущения и культуры, а не одну лишь область высшего творчества. Жизнь человеческая, жизнь народов есть цельный иерархический организм, в котором неразрывно связаны высшие и низшие функции. Есть соответствие между тем, что происходит на вершинах духовной жизни и в низинах материальной жизни общества. Конец Ренессанса есть конец целой исторической эпохи, всей новой истории, а не одних лишь форм творчества. Конец Ренессанса есть конец того гуманизма, который был духовной его основой. Гуманизм же был не только возрождением античности, не только новой моралью и движением наук и искусств, но также новым чувством жизни и новым отношением к миру, зародившимся на заре новой истории и определившим эту историю. Вот это новое чувство жизни и новое отношение к миру приходит к концу, исчерпывает все свои возможности. Пути гуманизма и пути Ренессанса пройдены до конца, дальше некуда идти на этих путях. Вся новая история была внутренней диалектикой самораскрытия и самоотрицания тех гуманистических начал, которые были положены в ее основу при ее зарождении. Гуманистическое чувство жизни давно уже потеряло свою свежесть, оно одряхлело и не может уже переживаться так патетически, как в дни молодого бурления гуманизма. Внутри гуманизма обнаружилось истребляющие противоречия и болезненный скепсис подорвал уже гуманистическую энергию. Вера в человека и его самобытные силы пошатнулись. Она двигала новой историей, но новая история расшатала эту веру. Свободное странствование человека, не ведомого уже никакой высшей силой, не только не укрепило его веры в самого себя, но окончательно ослабило эту веру и пошатнуло сознание образа человеческого. Гуманизм не укрепил, а расслабил человека — таков парадоксальный результат новой истории. В самоутверждении своем человек потерял, а не обрел себя. Если европейский человек вошел в новую историю, полный самонадеянной веры в себя и свои творческие силы, если все представлялось ему на заре этой истории делом его искусства, которому он не ставил границ и пределов, то выходит он из новой истории и вступает в неизведанную эпоху

в большом упадке, с надорванной верой в свои силы и в могущество своего искусства, подверженный опасности окончательно утратить ядро своей личности. Не благообразным выходит человек из новой истории и есть трагическое несоответствие между ее началом и концом. Слишком много надежд оказалось разбитыми. Самый образ человека замутнен. И духовно чуткие люди готовы вернуться к средним векам, чтобы там найти истинные основы человеческой жизни и вновь обрести человека. Мы живем в эпоху духовного упадка, а не духовного подъема. Мы не можем повторить слова Ульриха Гуттена, сказанные им на заре новой истории: «духи проснулись, радостно жить». Дело новой

истории не удалось, она не прославила человека, как хотела прославить. Обетования гуманизма не исполнились. Человек бесконечно устал и готов положиться на всякого рода коллективы, в которых уже окончательно исчезает человеческая индивидуальность. Человек не может вынести своей покинутости, своего одиночества.

* * *

В Ренессансе были отпущены на свободу человеческие силы и шипучая игра их творила новую культуру, создавала новую историю. Вся культура той мировой эпохи, которая в учебниках именуется новой историей, была испытанием человеческой свободы. Новый человек сам захотел творить и устраивать жизнь бес высшей помощи, бес божественной санкции. Человек оторвался от религиозного центра, которому подчинена была вся его жизнь в средние века; он захотел идти самочинным, вольным путем. В начале этого пути новому европейскому человеку показалось, что впервые открывается человек и чисто человеческая действительность, задавленная в мире средневековом. И доныне еще многие, ослепленные гуманистической верой, думают, что гуманизм в начале новых времен открыл человека. Но в нашу эпоху, обострившую все противоречия жизни и вскрывшую все ее начала, начинают понимать, что в самомнении гуманизма было роковое заблуждение и самообман, и что в самой первооснове гуманистической веры таилась возможность самоотрицания человека и падения его. Когда человек оторвался от духовного центра жизни, он оторвался от глубины и перешел на периферию. Удаление от духовного центра делало человека все более и более поверхностным. Утерев духовный центр бытия, человек утерел и свой собственный духовный центр. Такая децентрализация человеческого существа была разрушением его органического строя. Человек перестал быть духовным организмом. И тогда, на самой периферии жизни, возникли ложные центры. Подчиненные органы человеческой жизни и их подчиненные функции, освободившие себя от органической связи с истинным центром, сами возомнили себя центрами жизни. И человек от этого делается все более и более поверхностным. В XX веке, на вершину гуманистической эры, европейский человек всходит уже страшно опустошенным и выветрившимся. Он не знает, где центр его жизни, и не чувствует под собой глубины. Он обрекает себя на

плоскостное существование, живет как бы в двух измерениях, как обитатель поверхности земли, не зная, что над ним и под ним. И есть огромная разница и огромное несоответствие между началом гуманистической эры и концом ее. В самом начале свободное бурление сил нового европейского человека ознаменовалось пышным и небывалым расцветом человеческого творчества. Никогда еще, кажется, человек не испытывал такого творческого подъема, как в эпоху Ренессанса. Тогда началось свободное творчество человека, свободное искусство его. Но он был еще близок к духовным истокам своей жизни, не ушел еще так далеко от них на поверхность жизни. Человек Ренессанса был раздвоенным человеком, принадлежавшим двум мирам. Этим определялась сложность и богатство его творческой жизни. Теперь нельзя уже представлять начало Ренессанса исключительно как возрождение античности и как возврат к язычеству. В Ренессансе было очень много христианских элементов и средневековых начал. Даже такой типичный человек XVI века, как Бенвенуто Челлини, человек поздней эпохи Ренессанса, был не только язычником, но и христианином. И

потому не был и не мог быть Ренессанс цельно языческим. Люди Ренессанса питались античным духом, искали в нем источника свободного человеческого творчества и образов совершенных форм, но они не были людьми античного духа. Это были люди, в душах которых бушевала буря от столкновения начал языческих и христианских, античных и средневековых. В душах их не могло быть классической ясности и цельности, утерянных навеки-веков, и искусство их не могло создавать вполне законченных, завершенных, классически совершенных форм. Душа христианского человека отравлена чувством-греха, жаждой искупления и устремлена к иному миру. Этим кончил и древний, языческий мир. И с внутренней неизбежностью он должен был перейти к христианству. В истории возможно возрождение, обращение к былым творческим эпохам. Но никакое возрождение не бывает возвратом назад, восстановлением старой, изжитой уже творческой эпохи. Начала былых творческих эпох, к которым обращены возрождения, действуют в очень сложной новой среде, в очень сложном взаимодействии с новыми началами и создают типы культур очень не похожие на старые типы. Так романтическое движение начала XIX века не было возвратом к средневековью, в нем средневековые начала, к которым была обращена романтика, преломились в душе человека, пережившего сложную новую историю, и дали результаты очень непохожие на средневековье. Сколько бы ни обращался Фр. Шлегель к средневековью, он был очень непохож на средневекового человека. Так и люди Ренессанса не были похожи на людей мира античного, на греков и римлян. Они пережили средневековье, они были крещены и вода крещения не могла быть смыта никаким обращением к античности, никаким их поверхностным язычеством. Язычество в христианском европейском мире никогда не могло быть глубоким, оно всегда поверхностно. Оно могло усложнить душу европейского человека, но

24

не могло создать цельности. Так усложнена была душа людей Ренессанса, что хорошими язычниками они сделаться не могли. Эту двойственность и усложненность людей Ренессанса можно изучать на творчестве и на судьбе центральной фигуры кваттроченто — Воттичели.

Начался Ренессанс еще в глубине средневековья и первые основы его были вполне христианские. Душа средневекового человека, христианская душа, пробудилась к творчеству. Это творческое пробуждение происходит уже в XII и XIII веке. Оно ознаменовалось благоуханным расцветом святости, высшим подъемом духовного творчества человека. Оно сопровождалось расцветом мистики и схоластической философии. Средневековое возрождение создало готику и живопись примитивов. Раннее итальянское возрождение было христианским возрождением. Св. Доминик и св. Франциск, Иоаким из Флоры и Фома Аквинат, Данте и Джотто — это уже настоящий Ренессанс, возрождение человеческого духа, человеческого творчества, не утратившего связи с античностью. В эпоху Ренессанса, средневекового и христианского, было уже творческое отношение к природе, к человеческой мысли, к искусству — ко всей жизни. Ранний Ренессанс в Италии — треченто — величайшая эпоха европейской истории, высшая точка подъема. Тогда поднимавшиеся творческие силы человека были как бы ответным откровением человека на откровение Божие. Это был христианский гуманизм, зачатый от духа св. Франциска и Данте. Но великие упования и пророчества этого раннего христианского Ренессанса не были осуществлены. Многие в нем упреждало времена.

Человеку предстояло еще пройти через великое раздвоение и отпадение. Он должен будет испытать не только свои силы, но и свое бессилие.

Кваттроченто было по преимуществу эпохой раздвоения. Тогда произошло бурное столкновение христианских и языческих начал и отпечатлелось на всем творчестве. В творчестве кваттроченто не было совершенной законченности, в нем искания были сильнее достижения. Но есть особенная прелесть в этой незаконченности и незавершенности. Раздвоение кваттроченто говорит о невозможности чисто языческого возрождения в христианском мире. И самая неудача кваттроченто — великая неудача. Формальные достижения творчества чинквеченто, высокого римского возрождения, производят впечатление большого совершенства и большей удачи. Но это формальное совершенство и удачливость — призрачно классичны. Ничто истинно классическое, вполне завершенное на земле, невозможно в мире христианском. И не случайно все творчество чинквеченто быстро привело к мертвящему академизму и упадку. Духовно в чинквеченто раздвоение перешло в отпадение, в омертвление христианской души. Гуманисты эпохи Ренессанса не порвали окончательно с христианством, не выступили против церкви, но они были религиозно охлажденными и равнодушными людьми. Они надеялись открыть человека, окончательно обратившись к этому миру и отворачившись от мира иного. И они потеряли глубину. Открытый ими человек, человек новой истории, не был глубок и принужден был странствовать по поверхности жизни. На поверхности, свободной от

связи с глубиной, будет он испытывать свои творческие силы. Многое сотворит он, но придет к истощению и к потере веры в себя. Не случайно человеческая индивидуальность в XVI веке поднималась и утверждалась в страшных преступлениях. Гуманизм освободил человеческие энергии, но он не возвысил духовно человека, он его духовно опустошил. Это было предопределено уже в самых истоках гуманизма. В первооснове новой истории лежал отрыв человека от духовной глубины, отрыв жизни от ее смысла. Было роковое несоответствие между делом Св. Франциска и Данте и делом XVI и XVII века. Ренессанс создал много великого, много ценностей внес он в человеческую культуру. И все же он не удался, самое задание его оказалось неосуществимым. Не удался ранний христианский Ренессанс, не удался и поздний языческий Ренессанс. От Ренессанса пошло движение новой истории. В истории всегда бывает трагическое несоответствие между творческим заданием и фактическим осуществлением. В новой истории осуществлялось совсем не то, о чем мечтали первые гуманисты и творческие люди Ренессанса. Думали ли они, что последствием их нового чувства жизни, их разрыва с духовной глубиной и духовным центром средневековья, их творческих начинаний будет XIX век с его машинами, с его материализмом и позитивизмом, с социализмом и анархизмом, с истощением духовной творческой энергии? Леонардо, быть может величайший художник мира, — виновник механизации и материализации нашей жизни, обездушивания ее, потери высшего ее смысла. Он сам не знал, что уготовляет. Ренессанс, в силу духовных основ своих, в последствиях своих должен был подорвать себя. Ренессанс освободил творческие силы человека и выразил творческий подъем человека. В этом правда его. Но он же разобщил человека с духовными источниками жизни, он отрицал духовного человека, который только и может быть творцом, и утвердил исключительно природного человека, — раба необходимости. Торжество природного человека над духовным человеком в новой

истории должно было привести к иссяканию творческих сил, к концу Ренессанса, к самоистреблению гуманизма.

Ренессанс был великим началом исканий свободно-играющих человеческих сил. Человек возомнил, будто вся жизнь может быть делом его искусства. Человек повернулся к той природе, которую в средние века чувствовал лежащей во зле. В природе искал он источников жизни и творчества. И в начале своего обращения к природе он чувствовал природу ожившей и одухотворенной. С природы было снято проклятие. Перестали бояться ее демонов, которых так страшился человек средневековый. Неприметно для себя новый человек вошел в круговорот природной жизни. Но он не соединился с природой внутренне. Он духовно подчинился ее материальности, но остался разобщенным с ее душой. Ренессанс таил в себе семя смерти, потому что в его основе лежало истребляющее противоречие гуманизма, который возвеличивал человека, приписывал ему непомерные силы и, в тоже время, видел в нем лишь ограни-

26

ченное и зависимое существо, не ведающее духовной свободы. Возвеличивший человека гуманизм лишал его богоподобия и поработил природной необходимости. Ренессанс, основанный на гуманизме, раскрыл творческие силы человека, как существа природного, а не духовного. Но природный человек, оторванный от духовного человека, не имеет бесконечного источника творческих сил, он должен исчерпаться и изойти на поверхность жизни. Это и сказалось в последних плодах новой истории, которые привели к концу Ренессанса, к самоотрицанию гуманизма, к пустоте поверхностной и утерявшей центр жизни, к иссяканию творчества. Свободная игра человеческих сил не могла продолжаться бесконечно. И в XIX веке эта творческая игра уже кончается, не чувствуется уже избыточности, ощущается скудность, трудность и тягота жизни увеличиваются. Основное противоречие гуманизма углубляется и раскрывается на протяжении всей новой истории. Оно приводит к переходу гуманизма в свою противоположность. Гуманизм Л. Фейербаха и О. Конта—проповедников религии человечества — имеет уже мало общего с гуманизмом эпохи Ренессанса. Он идет дальше, углубляет основное противоречие гуманизма, но в нем нет уже творческого избытка сил, в нем чувствуется приближение внутренней катастрофы. Средневековье сохранило творческие силы человека и подготовило пышный расцвет их в Ренессансе. В Ренессанс вошел человек с средневековым опытом, с средневековой подготовкой. И все подлинно великое в Ренессансе имело связь с христианским средневековьем. Ныне входит человек в неведомое грядущее с опытом новой истории, с ее подготовкой. И вступает он в эту эпоху не полный творческих сил, как в эпоху Ренессанса, а истощенный, обессиленный, изверившийся, опустошенный. Над этим следует глубоко задуматься.

* * *

Гуманизм имел свое первое, самое творческое и пышное проявление в Ренессансе. И все творческое в гуманистическую эпоху истории идет от духа Ренессанса, может быть названо ренессансным. В этом первом своем проявлении гуманизм обратился к вечным истокам человеческого творчества, — к античности. Но сейчас нельзя уже думать, что творческое обнаружение гуманизма в Ренессансе произошло от обращения к язычеству, от языческого рецидива внутри христианского мира. Это — поверхностный и

обманчивый взгляд. Гуманизм питался античностью, но он был новым явлением, явлением новой, а не древней истории. Творческая активность человека заложена была уже в католичестве. И вся великая европейская культура, прежде всего латинская, была по своей основе — христианской, католической культурой. Она коренится в христианском культе. Само католичество было уже насыщено античностью и претворению приняло в себя античную культуру. Все средние века античная культура жила в католичестве и была перенесена католичеством в новое время. Потому только Ренессанс и оказался возможен в новое время. И Ренессанс не был направлен, подобно реформации, против католи-

27

чества. В католичестве была огромная человеческая активность, она проявлялась в самом папизме, в миродержавстве католической церкви, в создании великой средневековой культуры. В этом католичество всегда отличалось от восточного православия. Католичество не только вело человека к небу, оно создавало красоту и славу и на земле. В этом великая тайна католичества: устремленность к небу и жизни вечной творит красоту и создает могущество во временной земной жизни. Аскетизм средневекового католического мира был хорошей подготовкой для творчества, он сохранил и сконцентрировал творческие силы человека. Средневековая аскетика была великой школой человека, она давала великий закал духа. И европейский человек новой истории жил тем, что он духовно приобрел в этой школе, он всем обязан христианству. Никакой новой духовной школы, закаляющей и дисциплинирующей дух, европейский человек приобрести не мог и не умел. Он растратил свои силы, издержал себя и истощил себя. И, если духовно он остался жив, то исключительно лишь благодаря христианским основам своей души. Христианство продолжало жить в нем и в форме секуляризованной, и не допускало его до разложения.

Гуманизм, в начале своего явления, был еще близок христианству, он черпал из двух источников: из античности и из христианства. И был он творческим и прекрасным по своим результатам в меру своей близости христианству. Когда гуманизм оторвался от духовной глубины и стал переходить на поверхность, он начал вырождаться. Гуманизм не сразу стал утверждать человека бес Бога и против Бога. Не таков был гуманизм Пико делла Мирандола и многих теософов эпохи Возрождения. Но в гуманизме таилось уже семя богоотступничества, и из него разрастался тот гуманизм новой истории, который ныне дает свои последние плоды — отрицание человека. Только тот гуманизм, который заложен был в христианстве и составляет его нераскрывшееся еще до конца откровение, утверждает человека и творит красоту. Только он связан с античностью. Гуманизм, порвавший с христианством, в конце концов, порывает и с античностью и разрушает человека вдвойне, подрывая его античные и христианские основы. Это будет видно по последним плодам гуманизма. Священное предание культуры тысячью нитей связано со священным преданием христианской церкви, и полный разрыв с этим преданием ведет к падению культуры, к понижению ее качества. Истощение Ренессанса в новой истории, ослабление его творческой энергии было отдалением и от христианства и от античности. И те частичные возрождения, которые знает новая история, были возвратом и к христианству и к античности. Новый европейский человек живет античными и средневековыми началами, или истощается, опустошается и падает. Раздвоение Ренессанса, внутренний надлом, испытанный человеком Ренессанса, делается темой новой истории. В ней разворачивается самоистребляющая диалектика

гуманизма — утверждение человека без Бога и против Бога, отрицание образа

28

и подобия Божьего в человеке ведет к отрицанию и истреблению человека, утверждение язычества против христианства ведет к отрицанию и истреблению античности. Образ человека, образ его души и тела, создан античностью и христианством. Гуманизм новой истории, порывающий с христианством, отходит и от античных основ человеческого образа и расшатывает человеческий образ. Реформация была другим явлением того процесса новой истории, который создал Ренессанс; она также порождена гуманистическим движением, восстанием человека новой истории. Но реформация создана другим расовым темпераментом, чем Ренессанс, темпераментом германской расы, северной, далекой от солнца, лишенной пластически-художественной одаренности, но обладающей своеобразной духовной глубиной. Веяние новой духовности было внесено германской расой в европейскую культуру. Ренессанс не был восстанием и протестом, он был творчеством. В этом — красота Ренессанса, в этом вечное его значение. Реформация же была более восстанием и протестом, чем религиозным творчеством, она направлена против преемственности религиозного предания. Творческой была германская мистика, — великое явление духа, а не реформация, которая оказалась религиозно бесплодной. Первоначально в реформации было много католического, она была явлением внутри католичества. Лютер был взбунтовавшийся католический монах, в нем бурлила католическая кровь. И все глубокое и подлинно религиозное в реформации было связано с вечной истиной христианства, было жаждой очищения, обновления и возрождения самого католичества. Был у Лютера момент, один только момент великой правды. Праведна была его жажда духовной свободы. Но в отрицании своем он сбился с пути. Бунтарство и протестантство реформации породило тот процесс новой истории, который привел к «просвещению», к рационализму, к революции, к новейшему позитивизму, социализму и анархизму. «Просвещение» XVIII века было дальнейшим ответвлением Ренессанса, проявлением духа гуманистического самоутверждения. Но в «просвещении» иссякает дух творческий, в нем иссякает Ренессанс. Рационализм XVIII века — явление глубоко отличное от творческой эпохи Ренессанса, но генетически с ней связанное. «Просвещение» есть внутренняя кара Ренессанса, расплата за грехи гуманистического самоутверждения, грехи измены божественным истокам человека. Так, болонская школа была внутренней карой Микель Анджело и Рафаэля, омертвлением от духа возобладавшего в ХУИ веке. На этих путях творческий дух иссякает. Савонарола и был предупреждением о ложных путях Ренессанса. Ренессанс творчески истощился, потерял истоки своего питания, но породил бурное историческое движение, в котором не будет уже такого великого творчества. Французская революция, позитивизм и социализм XIX века — все это и последствия гуманизма ренессансной эпохи, и иссякание творческого духа Ренессанса. Все это — трансформация гуманизма.

* * *

29

Ко времени Ренессанса накопился избыток творческих сил человека. Он дал пышный цвет и потом изживался всю новую историю. Этим творческим избытком человек обязан был средневековому аскетизму. Силы человека были сохранены. Но человек новой истории оказался неблагодарен тому духу, который охранял его силы. В новой истории изживался творческий избыток и истрачивались силы человека. Европейскому человеку новой истории суждено было изжить все гуманистические иллюзии до конца, чтобы прийти, на вершине исторической эпохи, к самоистреблению, к потрясению самых основ человеческого образа. Все заставляет думать, что земной исторический путь человечества есть лишь испытание человеческого духа, лишь подготовка к какой-то иной жизни. Все осуществления истории представляют собою великие неудачи. Не удался Ренессанс, не удалась реформация, не удалось просвещение, не удалась основанная на просвещении революция и разбиты ее иллюзии, не удастся и идущий в мир социализм. В исторической жизни человечества никогда не реализуется то, что ставил себе целью человек. Но создаются великие ценности, которые сознательно и не ставил себе человек. Ренессанс не удался, он не достиг совершенства и законченности в земной красоте и земной радости через возрождение античности. Но он создал великие ценности и самые неудачи его запечатлены бессмертной красотой. Таковы неудачи раздвоенного кваттроцента. От Ренессанса пошла новая история. Но и реформация, и просвещение, и французская революция, и позитивизм XIX века, и социализм, и анархизм — все это уже было разложением Ренессанса, обнаружением внутренних противоречий гуманизма и постепенным оскудением творческих сил человека. Чем дальше европейский человек уходил от Ренессанса, тем более иссякали его творческие силы. Самые большие его подъемы связаны были с возвратом к средневековью, к христианским истокам, как напр. в начале XIX века в романтическом движении и в конце XIX века в движении неоромантическом и символическом. Есть большие основания думать, что творческие силы человека могут быть возрождены и образ человека восстановлен лишь новой религиозно-аскетической эпохой. Лишь такая эпоха, возвращающаяся к духовным истокам человека, может сосредоточить силы человека и предотвратить распыление образа его. К этому должен прийти человек на вершине своей новой истории, вновь подвергающийся со всех сторон опасности быть распыленным демонами. Ни к какому новому Ренессансу нельзя прийти после истощения и растраты духовных сил человека, после блужданий по пустыням бытия, после потрясений самого образа человека. Если уже проводить аналогию, то мы приближаемся не к Ренессансу, а к темному началу средневековья и должны будем пережить и новое цивилизованное варварства и новую религиозно-аскетическую дисциплину, прежде чем забрезжит заря нового, неведомого еще Ренессанса. Но все так изжито уже в исторической жизни, что не будут ли вновь пробудившиеся творческие силы человека направлены на иной мир? Силы природного человека ограничены. Самомнение природного человека влечет к па-

дению, ибо он отрекается от истоков жизни. Природный человек, оторванный от духовного человека, создает призрачную жизнь, он пленен призрачными благами. Нужно признать законом жизни, что человек, в этой ограниченной и относительной земной жизни, творит прекрасное и ценное лишь тогда, когда он верит в другую жизнь — безграничную, абсолютную, бессмертную жизнь. Исключительная обращенность

человека к этой ограниченной и смертоносной жизни, в конце концов подрывает творческую энергию человека, ведет к самодовольству и самоудовлетворенности, делает человека пустым и поверхностным. Истинным творцом может быть лишь духовный человек, имеющий корни свои в бесконечной и бессмертной жизни. Но гуманизм отверг духовного человека, предал вечность — времени и утвердил природного человека на ограниченной поверхности земли. И остался этот слишком возмнивший себе природный человек беззащитным от со всех сторон обступающих его природных стихий и природных духов. Лик человеческий не может быть охранен силами природного человека. Он предполагает духовного человека. Вез моментов религиозно-аскетических, ограничивающих, устанавливающих дистанции, подчиняющих низшее — высшему, немислимо бытие личности. Но новая история была построена на иллюзии, что возможен расцвет личности бес этих религиозно-аскетических моментов. Новая история, произошедшая из Ренессанса, развила индивидуализм. Но индивидуализм оказался гибелью человеческой индивидуальности, разрушением личности. И мы переживаем мучительный конец индивидуализма, лишённого всякой духовной основы. Индивидуализм опустошил человеческую индивидуальность, лишил личность формы и содержания, расплыл ее. Таков закон жизни: человеческая индивидуальность крепка, цветуща и содержательна, когда она признает сверхличное и сверхчеловеческие реальности и ценности и подчиняет себя им; человеческая индивидуальность расслаблена, опустошена и отцветает, когда она их отрицает. Индивидуализм делает беспредметным все направление воли человеческой индивидуальности, ни на что не направленным, бесцельным. И до этой бессодержательности довел человека ложный гуманизм; он превратил в пустыню душу человеческую. Но в гуманизме была поставлена великая задача, великая тема о человеке. Через трагическую диалектику новой истории тема эта раскрывается. И самое явление гуманизма не может быть признано чистой потерей, чистым злом. Это был бы статический взгляд. Гуманистический опыт имеет и положительное значение. Человек должен был в своей судьбе его пережить. Человек должен был пройти через свободу и в свободе принять Бога. В этом — смысл гуманизма.

* * *

Те трансформации гуманизма, которые происходят во вторую половину XIX и начала XX века, представляют окончательное угасание Ренессанса, окончательное истощение его творческих сил. Свободная и шипучая игра избыточных человеческих сил приходит к концу.

Духа Ренессанса уже нет и следов. Все духовно-значительное и творческой в конце XIX и XX века обращено к религиозно-христианским истокам человека. Языческие течения этого периода поверхностны и в них тщетно было бы искать дух античности. Перекультурный человек переживает не Ренессанс, а декаданс. Декаданс есть одна из форм окончания Ренессанса. На вершину культуры новой истории человек взошел истощенным и разбитым, опустившимся под тяжестью слишком сложной, оторвавшейся от религиозного центра, истории. Человек не может вынести одиночества, в которое повергла его гуманистическая историческая эпоха, — он разлагается от этого одиночества, он выдумывает подмены и суррогаты духовной общности и духовной связи, он создает себе лже-церкви. Крайний социологизм мироощущения и мирознания и есть

обратная сторона глубокой разобщенности, глубокого одиночества человека. Внутренне разъединенные атомы пытаются внешне соединиться друг с другом. Крайний социологизм, но философскому своему смыслу, есть лишь обратная сторона крайнего индивидуализма, атомизации человеческого общества. Поднимавшаяся в эпоху Ренессанса человеческая индивидуальность жила еще в органических духовных целостях и питалась ими, она не представляла из себя оторванного атома. Она свободна играла и творила, имея еще под собой духовную основу. Она не отдалась еще так социальности для спасения себя от одиночества, от духовного и материального голода. Социальность, превратившаяся в религию, есть Несомненный конец Ренессанса, истощение человеческой индивидуальности, поднявшейся в эпоху Ренессанса. Крайний индивидуализм и крайний социализм — две формы окончания Ренессанса. И в той и в другой расшатывается человеческая индивидуальность, меркнет человеческий образ. Отвлеченный гуманизм, оторванный от божественных основ жизни, от духовной конкретности, должен вести к истреблению человека, человеческого образа. Человеческий образ, как и всякая подлинная реальность, дан лишь в духовной конкретности, сращенности, в которой божественное единство вмещает в себя всю человеческую множественность, и он исчезает в абстрактности, в оторванности. Гуманистический процесс новой истории есть переход человека от духовной конкретности, в которой все органически сращено, к абстрактной разорванности, в которой человек превращается в изолированный атом. В этом уходе от конкретности к абстрактности надеялся человек новой истории получить свое освобождение, утвердить свою индивидуальность, обрести творческую энергию. Человек захотел освободиться, отвлечься от той благодати Божьей, которая восстановила образ человека и духовно питала его. Гуманизм есть отрицание благодати, оторванность от благодати. Но конкретна лишь жизнь в благодати, жизнь вне благодати—абстрактная жизнь. На этой почве возникают все иллюзии гуманизма. То, что представляется человеку освобождением, обретением индивидуальности и творческой энергией, есть порабощение его духовного существа природному круговороту, есть распад личности. Это окончательно ощущается на вершине гуманистического процесса новой истории. Гуманизм взял чело-

века не конкретно, не в духовных его связях и сращениях, а абстрактно, как самодовлеющий атом природы. Этот путь не сразу определился в эпоху Ренессанса. Но он выяснялся все более и более на протяжении новой истории. Путь этот неизбежно должен был привести к крайнему индивидуализму и крайнему социализму, как двум формам атомизации, отвлеченного распада общества и личности.

Два властителя дум новой эпохи — Фр. Ницше и К. Маркс явили, с гениальной остротой, две формы самоотрицания и самоистребления гуманизма. У Ницше гуманизм отрицает и истребляет себя в форме индивидуалистической, у Маркса — в форме коллективистической. Отвлеченный индивидуализм и отвлеченный коллективизм порождены одной и той же причиной — отвлечением человека от Божественных основ жизни, отпадением от конкретности. Ницше — дитя гуманизма новой истории и жертва его; он расплачивается за грехи его. В жизненной судьбе Ницше гуманизм переходит в свою противоположность. Ницше чувствует человека, как позор и унижение, он жаждет преодоления человека, воля его направлена к сверхчеловеку. Мораль Ницше не признает ценности человеческой личности, она порывает с гуманностью, она проповедует

жестокость к человеку во имя сверхчеловеческих целей, во имя дальнего и дали, во имя высоты. Сверхчеловек подменяет у Ницше утерянного Бога. Он не может и не хочет удержаться на человеческом, только человеческом. В сверхчеловеческом индивидуализме Ницше образ человека погибает. Также погибает образ человека в сверхчеловеческом коллективизме Маркса. Маркс духовно вышел из гуманистической религии Фейербаха. Но и в нем, но по-другому гуманизм переходит в свою противоположность, перерождается в антигуманизм. Маркс чувствует человеческую индивидуальность, как достояние старого буржуазного мира, он требует ее преодоления в коллективизме. Мораль Маркса не признает ценности человеческой личности, — и он разрывает с гуманностью, и он проповедует жестокость к человеку во имя коллектива, во имя грядущего социалистического *Zukunftstaat*'а. Коллектив подменяет у Маркса утерянного Бога. Он тоже уже не хочет и не может удержаться на человеческом, на гуманном, в коллективизме Маркса, поистине, есть что то нечеловеческое и противочеловеческое, в нем исчезает человеческая личность, меркнет человеческий образ. Коллективизм Маркса не признает человеческой индивидуальности с ее бесконечной внутренней жизнью, которую признавал и прославил еще недавно гуманизм Гердера и Гете. Маркс — такое же Законное дитя новой истории, как и Ницше. И в том и другом свершается конец Ренессанса, но по разному. Ницше был обращен к Ренессансу, хотел жить творческим подъемом Ренессанса, но перешел уже в новое измерение, в котором нет уже возврата к основам исторического Ренессанса. Маркс был окончательно отвращен от Ренессанса, как от мира «буржуазного», и жаждал нового царства, в котором невозможна уже будет творческая избыточность. Ни дело Ницше, ни дело Маркса не были торжеством человека, они были

33

лишь изблещением гуманистических иллюзий. После них невозможен уже прекраснотушный гуманизм, невозможно уже патетическое упоение гуманистическими идеями, невозможно наивная вера в гуманность. Также отрицается человек и у Макса Штирнера, который наносит сильные удары гуманизму. Серединное человеческое царство, царство самодовлеющей гуманности разлагается и преодолевается; выявляются концы, пределы, преступаются границы человека. На одном человеческом нельзя удержаться. Вместе с этим кончается и Ренессанс, который был творческой игрой сил серединного человеческого царства, притязанием творить совершенную, радостную и прекрасную жизнь в гуманистическом царстве. Это гуманистическое царство разложила новая история. Расширение и распространение гуманистического царства, его демократизация факт роковой для его существования. Творческий гуманизм может существовать лишь в небольшой, избранной части человеческого общества. Так и было в эпоху Ренессанса. Просвещение и революция произвели уравнильный процесс в гуманистическом царстве и уготовили его внутреннее разложение. Ренессанс был основан на неравенстве и был возможен благодаря неравенству. Жажда равенства, охватившая современное человечество, есть конец Ренессанса. Это — энтропия в социальной жизни.

* * *

Исторический конец Ренессанса сопровождается разложением всякого организма, всего органического. В Ренессансе сохранился еще органический уклад жизни. Жизнь еще была иерархична, как и всякая органическая жизнь. Тогда еще только начинался процесс

секуляризации, который, в конце концов, должен был привести к механизации жизни, к отпадению от всякого органического строя. В начале, на первых своих стадиях, эта секуляризация воспринималась как освобождение творческих сил человека, как радость свободной их игры. Но силы человеческие, выходящие из состояния органического, неизбежно подчиняются состоянию механическому. Это видно не сразу. Некоторое время человек живет в иллюзии, что он свободен и от органических связей и от механической скованности. Этот промежуточный период, когда новый европейский человек чувствует себя свободным от организма и не подчинен еще механизму, наполняет собой исторический Ренессанс и его завершения в XVII и XVIII веке. На вершине европейского общества играют человеческие силы, оторванные от глубины, но не чувствуется еще подчиненности их уравнивающей механике. Но в XIX веке в Европе произошла одна из самых страшных революций, какие только испытало человечество за всю свою историю. В жизнь человеческую победоносно вошла машина и нарушила весь органический ее ритм. Машина разрушила вековой строй жизни человеческой, органически связанный с жизнью природы. Машинизация жизни разрушает радость Ренессанса и делает невозможным творческий избыток жизни. Машина убивает Ренессанс. Она готовит новую историческую эпоху, эпоху цивилиза-

ции. Культура, полная священной символики, умирает. Люди Ренессанса не ведали и не понимали, что они готовят в мире торжество машины, что окончательный уход от средневековья должен привести к царству машин, к замене органического строя — механическим. Органический строй жизни иерархичен т. е. космичен. В космическом организме части соподчинены целому, связаны с центром. В организме центр полагает цель жизни частей. Всякий организм есть иерархия. Когда части отрываются от целого и перестают служить цели, положенной в органическом центре, они незаметно подчиняются низшей природе. Эпоха Ренессанса гордится тем, что она открыла не только человека, но и природу. Люди Ренессанса были обращены к природе с благословением, они учились у природы и подражали внешним ее формам; они прекратили борьбу против греховности природы, которую вели люди средневековья. И это ренессансное обращение к природе в первый период свой сопровождалось упоением природными формами и радостью природной жизни. Но душа природы в глубине своей не открылась людям Ренессанса, ибо в Ренессансе поднимался не духовный человек, которому только и может раскрыться внутренняя сущность природы, а природный человек, обращенный к поверхности природной жизни. Лишь немногие мистики и теософы эпохи Ренессанса глубже проникали в природу. В Ренессансе зародилось не только художественное, но и научно-познавательное отношение к природе. В этом было огромное значение эпохи. Отсюда пошло историческое торжество науки о природе которое подготовило великие технические открытия XIX века и привело к господству машины над человеческой жизнью. Так исторический конец Ренессанса оказался несоответствующим его началу. Первое радостное отношение к природе переродилось в сознание неизбежности тяжелой борьбы с ней путем машинизации жизни. Наша эпоха уже не подражает формам природы, не ищет в них источников совершенства, как эпоха Ренессанса, она ведет борьбу с природой, она внутренне отчуждена от нее, природа воспринимается ею, как мертвый механизм, и она ставит между человеком и природой машину. Отношение к природе современного цивилизованного человека есть конец Ренессанса. Внутренняя диалектика

ренессансного отношения к природе влечет к самоотрицанию этого отношения. Конец Ренессанса также убивает природу, как убивает и человека. Это — имманентная трагедия новой истории, которая должна быть изжита. Машина уготовлена Ренессансом и машина убивает Ренессанс, истребляет красоту жизни, рожденную творческим избытком человеческих сил.

Последствия вхождения машины в человеческую жизнь оказались неисчислимыми. Они распространились и на духовную жизнь человека, на все его творчество. Наука и искусство оказались захваченными процессом механизации, на них отпечатлевается то расщепление органической целостности, которое производит машина во всех сферах жизни. Современное искусство, в самых последних своих течениях, разрывает с Ренессансом, потому что оно окончательно разрывает с античностью. В современном искусстве, обращенном

35

исключительно к будущему и обоготворяющему будущее, отдаются на растерзание человеческое тело и вечные его формы. В нем окончательно погибает человеческий образ. Футуризм, который представляет собою более серьезный симптом, чем это может казаться, истребляет образ природы и образ человека, т.-е. окончательно хочет отменить дело Ренессанса, который весь был обращен к вечным формам природы и человека. Футуризм и есть конец Ренессанса. Он разрушает дело Леонардо и Микель Анджело. Футуризм окончательно разрывает с античностью, с началами вечных форм в искусстве. Вечные совершенные формы, которых искал Ренессанс, имеют два источника: природу и античность. Футуризм отвергает и тот и другой источник. Свои образы совершенства он ищет не в природе и не в человеке, а в машине. Футуризм находится во власти процесса машинного расчленения всякой природной и человеческой целостности. Футуристы захвачены процессом, смысл которого они сами не понимают, ибо уровень их сознания и познания слишком низок. Остается несомненным, как бы ни оценивать футуризм, что образ человека, душа человека и тело человека погибают в футуристическом искусстве, они растерзаны нечеловеческими вихрями, от них остаются лишь клочья. Уже кубизм такого большого художника, как Пикассо, расчленяет человеческое тело и расшатывает художественный образ человека. Футуристическая живопись, в которой модные течения завтрашнего дня быстро сменяют течения сегодняшнего дня, идет еще дальше в растерзании человеческого образа. Нарушаются твердые границы всех природных форм, все переходит во все, человек переходит в неодушевленные предметы; газетные объявления, куски стекла и подошвы врываюся во всякую природную форму и разрушают ее. Формы человеческого тела — античные формы, и разрушение их есть окончательный разрыв с античностью. Футуристическая поэзия также разлагает человеческую душу, она вставляет в человеческую душу те же газетные объявления, куски стекла и подошвы, она порабощает душу шумам автомобилей и аэропланов. Разложение человеческой души началось уже в импрессионизме. Душа человека распалась на мгновения. Окончательно утерялся центр души. Самоутверждение человека ведет к гибели человеческого образа. Человек отрывается от своих вечных духовных истоков он подчиняется распыляющей власти времени. Футуризм порожден человеческим самоутверждением. Но футуризм есть конец гуманизма, его самоотрицание. В футуризме человек теряет самого себя, перестает сознавать свою особенность. Человек исчезает в каких то нечеловеческих массах. В футуризме человек порабощен нечеловеческими

коллективами. И не случайно футуризм оказался родствен самым крайним формам социального коллективизма. Процесс окончания и исчезновения Ренессанса, истерзание и истребление человеческого образа, можно наблюдать на творчестве А. Белого, одного из самых замечательных художников нашей эпохи. А. Белый имеет родство с футуризмом, но он многими головами выше всех футуристов. В творчестве А. Белого

36

нарушаются все природные границы, все творческие формы; в нем человек и весь космос расплавляются вихревыми движениями. Человеческого образа нельзя найти в этом творчестве. Человеческий образ неотличим уже от абажура лампы, от проспекта большого города; он проваливается в космическую бесконечность. Характерное для нашей эпохи творчество А. Белого есть нарушение и разрушение всех античных и ренессансных форм, оно знаменует собой отхождение от природы, от человека и от Бога. Это — конец Ренессанса, конец гуманистической эпохи. Современное искусство все более и более захватывается этим концом Ренессанса, гибелью человеческих и природных форм. В него вторгаются варварские начала, оно терзается варварскими звуками, варварскими движениями. Динамизм этого искусства теряет космический ритм. Позитивизм XIX века был уже несомненным началом конца Ренессанса. Позитивизм порожден духом Ренессанса, но в нем дух этот истощается. В позитивизме нет уже творческой избыточности познания, нет радостной упоенности познанием раскрывающихся тайн природы. Позитивизм есть уже сознание ограниченности человеческих сил, есть усталость познания. Для позитивизма закрываются тайны природы. Позитивизм подрезывает крылья человеку. В эпоху Ренессанса познание природы было результатом радостного познания. Типичным человеком Ренессанса был Пико делла Мирандола, — прямая противоположность всякому позитивизму. И пафос Леонардо был противоположен позитивизму, но в нем было уже заложено семя, из которого должен был развиваться позитивизм. Во всех областях Ренессанс нес семя своей гибели, своего конца, непохожего на начало, в области познания, как и всюду. Позитивизм О. Конта имеет два противоположных истока, которые с разных сторон разрушают дух Ренессанса: рационализм просвещения и духовную реакцию на французскую революцию. О. Конт был извращенный католик, католик навыворот. В нем много средневековых элементов, в нем происходит возврат к средневековому иерархизму, к организации и авторитету; он вновь хочет подчинить и познание и жизнь человеческую духовному центру и прекратить умственную анархию новой истории. Не случайно О. Конт так высоко ценил Ж. де-Местра и многому от него научился. Эти средневековые и религиозные, хотя и в извращенной форме, начала Котовского позитивизма не получили преобладания в дальнейшем развитии позитивизма и даже пугали позитивистов. Но и самые «позитивистические» элементы позитивизма представляют собою реакцию против духа Ренессанса. Позитивизм скоро начал вырождаться и обнаружил истощение творческих начал познания. Сейчас уже о позитивизме в философии нельзя серьезно говорить. Давно уже в европейской философии господствует не позитивизм, а критическая философия, признающая своим духовным отцом Канта. Критическую философию можно рассматривать, как один из позднейших фазисов реформации. В современной немецкой гносеологии реформация дает последние, умственно наиболее утонченные свои плоды. Если в начале новой истории, в исто-

37

ках реформации произошло восстание человека, и человек провозгласил свои права на самоопределение, то в конце новой истории, в умственных последствиях реформации человек хочет как-бы избавиться от самого себя в процессе познания, преодолеть себя, возвыситься над всяким антропологизмом. Современная германская философия в лице Когена, Гуссерля и мн. др. прежде всего ведет борьбу с антропологизмом; она подозрительна к человеку, она видит в человеке источник относительности и зыбкости в познании, она стремится к нечеловеческому познавательному акту. В критической гносеологии есть что-то напоминающее кубизм, она также разлагает организм человеческого познания на категории, как Пикассо и др. разлагают человеческое тело на кубы. Это есть процесс аналитического расщепления и расчленения органической цельности. Образ человека погибает в критической гносеологии. Она также знаменует собою конец Ренессанса, в ней также истощается и умирает ренессансный дух творческой избыточности. И в познании на путях своего автономного самоопределения и самоутверждения человек приходит к самоотрицанию и к самоистреблению. Утерев духовный центр и духовный источник своего бытия, человек теряет и самого себя, свой вечный образ, он отдается во власть чего-то нечеловеческого. В средневековой схоластике скорее можно найти человека, чем в гносеологической неосхоластике. Современный гносеологизм — продукт эпохи духовного упадка. Один и тот же процесс самоистребления человека на почве гуманистического самоутверждения происходит повсюду. В теософии расщепляется, расчленяется и распластовывается целостный образ человека; он отдается на растерзание астральным вихрям. Современная теософия враждебна человеку и его творческой избыточности, в ней нет ничего Ренессансного. Она также истребляет личное начало, как истребляет его позитивизм, как истребляет его гносеологический критицизм. Теософия не более верит в реальность человеческой личности, чем самый обыкновенный материалистический натурализм. Она и есть истребляющий человека материалистический натурализм, перенесенный на духовные миры. Такие теософы эпохи Ренессанса, как Парацельс, высоко возносили человека и ставили перед ним творческие задачи. Такие теософы нашей эпохи, как Штейнер, хотя он и именуется антропософом, окончательно поработают человека космической эволюции, смысл которой непонятен, а открываемый ими путь самоусовершенствования человека не есть творческий путь. Теософия отрицает Бога, антропософия отрицает человека. Человек — лишь преходящий момент космической эволюции, он должен быть преодолел. Теософические течения нашей эпохи обозначают истощение и угасание творческой избыточности человека. В них угасает человеческая индивидуальность и прекращается свободная игра его сил. Человек теряет свой внутренний духовный центр и ищет его в сложении и разложении космических сил. Теософическое познание созерцает труп природы и труп человека. Вся господствующая умственная жизнь нашей эпохи стоит под знаком конца Ренессанса. Естественно-научный характер образования разрывает с Ренессан-

сом. Но твердость ренессансного физико-математического мирозерцания Ньютона расшатана современной физикой. Учения об энтропии, о радиоактивности и распадения

атомов материи, о законе относительности представляют настоящий физический апокалипсис.

* * *

Для нашей эпохи характерны социалистические тенденции. Они проникают не только жизнь экономическую и политическую, но и всю современную культуру, всю современную мораль; они обозначают особое чувство жизни. Социализм есть лишь обратная сторона индивидуализма, лишь результат распада и разложения индивидуализма. На путях атомизации общества социализм подстерегает, как внутренняя диалектическая неотвратимость: — известного рода начала должны вести к социализму. И социализм и индивидуализм одинаково враждебны органическому мироощущению и миропониманию. Социализм является лишь ярким симптомом конца Ренессанса, в нем кончается свободная игра избыточных человеческих сил новой истории. Человеческие силы связываются и принудительно подчиняются центру, но центру уже не религиозному, а социальному. Пафос творческой индивидуальности заменяется пафосом принудительно организованного коллективного труда. Человеческая индивидуальность подчиняется коллективам, массам. Образ человека затмевается образом безличного коллектива. В отношении ко всякому творческому избытку устанавливается подозрительная регуляция. Центр тяжести жизни переносится в экономику, наукам же и искусствам, высшей творческой культуре, духовным ценностям отводится место «надстройки». Человек превращается в экономическую категорию. Социализм имеет гуманистическую основу и гуманистический исток; он порожден гуманизмом новой истории, он невозможен был бы бес самоутверждения человека и бес перенесения центра тяжести жизни в человеческое благо. Но в социализме гуманизм приходит к самоотрицанию. Человек с его индивидуальной душой и индивидуальной судьбой подчиняется нечеловеческим коллективам. Пролетарское классовое сознание есть уже не гуманистическое, а антигуманистическое сознание. Человек заменяется классом. Сама ценность человека, его индивидуальной души и индивидуальной судьбы отрицается. Человек превращается в средство для общественного коллектива и его развития. Гуманизм породил гуманность, как особую моральную настроенность. Эта гуманность была срединным человеческим царством. Она разлагается в классовом пролетарском социализме. Социализм есть конец гуманности, изобличение ее иллюзий. Социализм есть изобличение всех высот, связанных с гуманизмом — гуманистических наук и искусств, гуманистической морали, всей гуманистической культуры. Рушится вся гуманистическая «надстройка» и изобличается ее базис, фундамент. Этим базисом, этим фундаментом оказывается экономика, классовые экономические интересы. И, поистине, человек, оторвавшийся от духовного центра и духовных истоков жизни, имеет материальные основы жизни и все его возвышенности — ложные возвы-

шенности. Человек разлагается на интересы, единая человеческая природа, человечность —, исчезает, расслаивается на природы классовые. Маркс прав для буржуазного европейского общества XIX века, — в нем «человечность», которую Гердер считал целью истории, подверглась разложению, в нем экономический базис играет слишком большую роль, а вся высшая культура слишком напоминает надстройку». Экономический материализм лишь пассивно отразил состояние человеческого общества, его духовную

опустошенность, его порабощенность материальной стороной жизни. Это — саморазложение гуманизма, конец Ренессанса, гибель иллюзии, иллюзии царства «человечности», избличение невозможности для человека быть творцом после того, как он оторвался от Бога, восстал против Бога. По культурным своим последствиям социализм есть несомненный конец Ренессанса. Дух социализма есть смерть духа Ренессанса. Для социализма жизнь человеческая не есть уже дело творческого человеческого искусства, свободной игры избыточных человеческих сил. Ренессанс — аристократичен, он создан теми, которые свободны были от гнетущей необходимости жизни. Для социализма, приговаривающего к смерти всякий аристократизм, жизнь человеческая есть дело тяжелой необходимости и коллективного труда. В социалистическом строе не остается никакого свободного творческого избытка, не регулируемого и не подчиненного материальному центру. Ренессанс был провозглашением прав человека, человеческой индивидуальности, прежде всего в науках и искусствах, в интеллектуальной жизни, а потом и в жизни политической. Социализм противопоставляет правам человека права коллектива, который не есть человечность, в котором обрисовываются нечеловеческие черты. В коллективизме, к которому пришел гуманизм в своей исторической диалектике, отменяются все права человека, отменяется самая свобода мысли, с которой начался Ренессанс. Все мышление делается принудительным, подчиняется социальному вероисповедному центру, т. е. происходит возврат к средневековью, но уже не на религиозной, а на материалистической почве, на почве материалистической анти-религии. Конец Ренессанса означает истощение и истребление личного начала в человеческих обществах, начала личной творческой инициативы, личной ответственности, и торжество начала коллективного. Этот конец Ренессанса обозначается не только в социализме, но и в анархизме, не менее характерном для нашей эпохи. Новая история, зачавшаяся от Ренессанса, характеризуется пышным расцветом государственности; этим она отличается от средневековья, когда государственное сознание было слабо. Средневековье было интернационалистично, универсалистично. Новое время — время национальных государств. В основе новых государств лежит гуманистическое самоутверждение человека, сначала в монархиях, потом в демократиях. Но гуманистические национальные государства новой истории несли в себе семя самоотрицания. Чисто гуманистическое народовластие подрывает религиозную основу государства и создает почву для анархического его распада. Анархизм есть конец государства Ренессансной эпохи. В анархизме

происходит не только самоотрицание гуманистического государства, но и самоотрицание и самоистребление личного начала, окончательный крах индивидуализма в кажущемся крайнем его торжестве. Личное начало очень тесно и неразрывно связано было с началом государственным. В анархизме же побеждает все та же коллективная, массовая стихия, враждебная и личности и государству. Дух анархизма — не творческий дух, в нем есть злобная и мстительная вражда ко всякой творческой избыточности. Анархизм хотел бы разрушить все, что сотворено Ренессансом. В нем есть возмездие за ложь гуманизма. Когда человеческими обществами овладевает жажда равенства, — кончается всякий Ренессанс, всякая творческая преизбыточность. Пафос равенства есть пафос зависти к чужому бытию, к инобытию, есть невозможность утвердить бытие в себе. Страсть к равенству есть страсть к небытию. Современные общества одержимы страстью, которая

переносит центр тяжести жизни из творческого утверждения бытия в себе в завистливое отрицание бытия в другом. Таким может быть лишь дряхлеющее общество.

* * *

Ренессанс начался с утверждения творческой человеческой индивидуальности. Он кончился отрицанием творческой человеческой индивидуальности. Человек без Бога перестает быть человеком — в этом религиозный смысл внутренней диалектики новой истории, истории расцвета и гибели гуманистических иллюзий. Уединенный в себе и внутренне опустошенный человек делается рабом не высших, сверхчеловеческих, а низших, нечеловеческих стихий. Дух человеческий угашается и им овладевают какие-то нечеловеческие духи. Образование религии гуманизма, окончательного обоготворения человека и человеческого и есть начало конца гуманизма, его самоотрицание, иссякание его творческих сил. Расцвет человечности возможен был лишь до тех пор, пока человек ощущал и сознавал еще под собой и в глубине себя начала более высокие, чем он сам, пока он не оторвался окончательно от божественных основ. В эпоху Ренессанса было еще у человека это ощущение и это сознание, не было еще окончательного отрыва. И всю новую историю европейский человек не окончательно разрывал со своими религиозными основами. Поэтому только и возможна была человечность, возможен был расцвет человеческой индивидуальности и человеческого творчества. Гуманизм Гете имел религиозную основу, он связан был с верой в Бога. Человек, потерявший Бога, погружается в безликую и нечеловеческую стихию, он делается рабом нечеловеческой необходимости. В нашу эпоху уже нет свободной, Ренессансной игры человеческих сил, которая создала и итальянское искусство, и Шекспира, и Гете. В нашу эпоху играют нечеловеческие силы, стихийные духи давящие человека и затмевающие его образ. Не человек ныне освобожден, а расковались нечеловеческие стихии и волнами своими захлестывают человека. Человек получил свою форму, свой образ через действие религиозных начал и энергий. Хаос, в котором погибал че-

ловеческий образ, не мог быть преодолен одними человеческими силами. Образование человеческого космоса было также делом Божьих сил. Человек новой истории, к концу ее отпавший от Божьей силы и отвергший ее помощь, вновь впадает в хаос, расшатывает свой образ, колеблет свои формы. Творческая энергия человека не концентрируется, а расплывается. Образование резервуара творческой энергии предполагает сохранение форм человеческого образа, предполагает границы, отделяющие человека от бесформенных низших стадий. Этот резервуар разбит и творческая энергия из него выплеснута. Человек теряет свои формы, свои границы, он не защищен от плохой бесконечности хаотического мира.

Если мы переживаем конец Ренессанса в новых течениях в искусстве, в футуризме, в новых течениях философии, в критической гносеологии, в течениях теософических и оккультических, наконец в социализме и анархизме, занимающих такое преобладающее место в общественной жизни нашей эпохи, то мы переживаем его также и в религиозных и мистических течениях. В одних течениях гуманизм внутренне разлагается и в этот процесс разложения вовлекает и образ человека, формы человека. В других течениях гуманизм преодолевается высшими началами и человек ищет спасения

своего образа, своих форм в божественных основах жизни. Но и в том и в другом случае исторический Ренессанс кончается и происходит возврат к средневековым началам, то темным началам средневековья, то светлым его началам. В гуманизме была измена святыне и за эту измену человек расплачивается в своей истории, терпит одно разочарование за другим. Ныне начинается процесс варваризации европейской культуры. После утонченного декаданса, на вершинах европейской культуры должно произойти вторжение варварства. В этом отношении мировая война будет иметь роковое значение для судьбы Европы. Культурная, гуманистическая Европа обнажила себя и сделалась беззащитной от вторжения внешнего и внутреннего варварства. Глухие шумы подземного варварства давно уже были слышны. Но упадочное европейское буржуазное общество ничего не сделало для спасения старых и вечных святынь Европы, — оно жило беспечно, в расчете на бесконечное благоденствие. Начинаются сумерки Европы. (См. мою статью «Конец Европы», написанную в 1915 году и вошедшую в мой сборник «Судьба России»). Европейские общества вступают в период старости и одряхления. Может наступить новый хаос народов. Возможна феодализация Европы. В истории человечества не существует прогресса по прямой восходящей линии, в который так верили люди XIX века, что сделали себе из этой веры религию. В истории обществ и культур замечаются органические процессы, в которых есть периоды молодости, зрелости и старости, есть расцвет и упадок. Ныне мы переживаем не столько начало нового, сколько конец старого. Наша эпоха напоминает конец античного мира, падение Римской империи, истощение и иссякание греко-римской культуры, — вечного источника всякой человеческой культуры. Современные течения в искусстве напоминают

42

утрату совершенных античных форм и варваризацию той эпохи. Социальные и политические процессы нашего времени напоминают те процессы, которые происходили в эпоху императора Диоклетиана, процессы закрепощения человека. Религиозно-философские и мистические искания нашего времени напоминают конец греческой философии и тогдашние искания мистерий, — жажду боговоплощения, явления богочеловека. Наше время духовно походит на универсализм и синкретизм эллинистической эпохи. Великая тоска объемлет лучшую часть человечества. Это — знак наступления новой религиозной эпохи.

* * *

Гуманизм должен был быть изжит до конца. Пути его ныне пройдены и он должен быть преодолен. Внутренняя, самоистребляющая диалектика гуманизма дала огромный опыт человечеству. И возврат к тому, более простому состоянию, в котором находился европейский человек до гуманистической эпохи новой истории, — невозможен. Новая история все раздвоила, обострила и обличила в человеке. В этом главный ее смысл, а не в положительных завоеваниях и достижениях. Искания новой истории дают большое знание. В гуманизме что-то приоткрылось, поставлена была великая тема. Ныне кончается жизнь человека в оторванности от религиозного центра и неизбежно искание новой религиозной централизации жизни, т. е. духовное углубление. Человек во всех сферах своего творчества не может далее оставаться на поверхности, на периферии бытия. Он должен или начать движение в глубину, или окончательно выветриться и опустошиться. От великих потрясений и испытаний нашего времени

должно произойти углубление. Европейскому человеку предстоит окончательно освободиться от иллюзий гуманизма. В серединном царстве нельзя далее удержаться. Происходит срыв в две противоположные стороны: вверх и вниз. По многим признакам мы подходим к новой исторической эпохе. К эпохе, схожей с ранним темным еще средневековьем, к VII, VIII, IX векам, до средневекового возрождения. И многие из нас должны себя чувствовать последними римлянами. Это — благородное самочувствие. Что-то от этого самочувствия проснулось и в новой христианской душе Бл. Августина, когда Риму угрожала опасность, когда хлынул варварский мир. Так и сейчас: многие из нас могут себя чувствовать последними и верными представителями старой, христианской, европейской культуры, которой угрожают великие и внешние и внутренние опасности. Через такую эпоху возможной новой, хотя бы и цивилизованной, варваризации нужно пронести немеркнущий свет, как он некогда был пронесен христианской церковью. Только в христианстве окончательно раскрывается и хранится образ человека, лик человека. Христианство освободило человека от терзавших его в языческом мире демонов природы, от демонолатрии. Только христианское искупление дало возможность человеку подняться и стать духовно на ноги; оно вырвало человека из недр стихийной природы, в которую ниспал человек, которую был он поработан. Античный мир подготовил форму человека; в нем

пробудилась творческая энергия человека, но человеческая личность не была еще освобождена от власти природных стихий, духовный человек не был еще рожден. Второе, не природное, а духовное рождение человека произошло в христианстве. И гуманизм получил свою истинную человечность от христианства, он не мог найти ее только в античности. Но гуманизм, в своем развитии, оторвал человечность от ее божественных основ. И вот, когда гуманизм окончательно оторвал человека от Божества, он обратился и против человека, и начал разрушать человеческий образ, ибо человек — образ и подобие Бога. Когда человек захотел быть лишь образом и подобием природы, лишь природным человеком — он подчинился низшим стихиям и утерял свой образ. Человека вновь терзают демоны и он бессилён устоять и сопротивляться. Духовный центр человеческой личности — утерян. В этом обращении гуманизма против человека — трагедия новой истории. В этом — причина роковой неудачи Ренессанса и неизбежность его конца. Люди нашего времени охотно говорят, что и христианство не удалось, не осуществило своих упований, и на этом основывают безнадежность и бессмысленность возврата к нему. Но то, что европейское человечество не осуществило христианства, исказило его и изменило ему, не может быть возражением против его истины и правды. Христос и не обещал осуществления на земле своего царства, Он говорил, что царство Его не от мира сего, Он предсказывал под конец оскудение веры и любви. Неправда христианского человечества есть неправда человеческая, человеческая измена и падение, человеческая слабость и греховность, а не неправда христианская, не неправда Божья. Все справедливое негодование против католичества могло быть направлено против католического человечества, а не против подлинных святых католической церкви. Но человек сначала исказил христианство, уродовал его своими падениями, а потом окончательно восстал против него и изменил ему, сделав самую истину христианскую ответственной за свои собственные грехи и падения. Творческая духовная жизнь есть не только дело Божье, но и дело человеческое. Человеку предоставлена великая свобода, и она есть великое испытание силы его духа. Сам Бог как

бы ждет от человека творческого его деяния и творческого приношения. Но вместо того, чтобы к Богу обратить свой творческий образ и Богу отдать свободный избыток своих сил, человек тратил и истреблял свои творческие силы в самоутверждении, в кружении на периферии возврата. В этом много печального. Кажется, что разлагается и умирает красота, что невозможна уже свободная игра человеческих сил, что свободной человеческой индивидуальности наступил уже конец. Но было бы малодушием и маловерием отдаться печали. Способности к возрождению человеческой природы — бесконечны. Но ныне верить можно в духовное возрождение человека и человеческого творчества лишь через углубление христианства, через окончательное откровение Христова образа в человеке, через верность христианскому откровению о личности человеческой. В христианстве не до конца еще была открыта

44

антропология, откровение о человеке еще не закончилось. В этом — смысл поставленной новой гуманистической историей темы о человеке. Но современная Европа далеко зашла в своей измене христианскому откровению о человеческой личности и отдала ее на растерзание стихийных вихрей. Так допустила она внутрь своей культуры хаотическое начало, которое может повергнуть Европу в период варварства. Но никакие вихри, никакие хаотические стихии не в силах загасить света христианского откровения о Боге, о человеке и о Богочеловеке. Врата Адовы не одолеют его. И потому источник света останется, как-бы ни была велика объившая тьма. И мы должны себя чувствовать не только последними римлянами, верными старой и вечной истине и красоте, но и обращенными к невидимому, грядущему творческому дню, когда взойдет солнце нового христианского Ренессанса. Быть может он будет в катакомбах и совершится лишь для немногих, быть может будет он уже в конце времен. Нам не дано этого знать. Но твердо знаем, что вечный свет и вечная красота неистребимы никакой тьмой и никаким хаосом. Победа количества над качеством этого ограниченного мира над другим бесконечным миром всегда призрачна. И потому бес страха и уныния должны мы вступить из дня новой истории в ночь средневековья. Пусть померкнет ложный и обманчивый свет!

* * *

Тема моя европейская, а не русская. Россия осталась в стороне от великого гуманистического движения новой истории. В ней не было Ренессанса, дух Ренессансный чужд русским людям. Россия, в значительной степени, оставалась Востоком и остается Востоком и в наши дни. В ней всегда было недостаточно раскрыто личное начало. В ней не было пышного расцвета творческой человеческой индивидуальности. Но русские люди усвоили себе последние плоды европейского гуманизма в период его саморазложения и самоистребления, когда он окончательно направился против человеческого образа. И ни один народ не доходил до таких крайностей в истреблении человеческого лика, человеческого права, человеческой свободы. Ни один народ не обнаруживал такой вражды к творческой избыточности, такой злобной зависти ко всякому расцвету человеческой индивидуальности. В этом есть что-то страшное для нас,

русских. Мы переживаем в самой крайней форме конец Ренессанса, не пережив самого Ренессанса, не имея великих воспоминаний о прошлой творческой избыточности. Вся великая русская литература не была ренессансной по своему духу; в ней чувствуется не избыток сил, а надрыв болезни духа, мучительное искание спасения от гибели. В одном Пушкине было что то ренессансное, но дух его не победил в русской литературе. Теперь мы переживаем враждебный Ренессансу футуризм, не пережив творчества Ренессанса; переживаем враждебный Ренессансу социализм и анархизм, не пережив свободного расцвета национального государства; переживаем враждебные Ренессансу философские и теософические течения, не пережив Ренессансного упоения

45

познанием. Нам не дано было пережить радости свободной человечности. В этом — особенность горькой русской судьбы. Но у нас должна явиться тоска по духовному углублению и искание божественных основ человека и человеческого творчества. Возможна ли у нас религиозная санкция творчества, которой никогда не давала русская религиозность? С этим связана возможность духовного возрождения России. Быть может мы, русские, способны принять участие лишь в христианском Ренессансе? Но для этого мы должны пройти, через великое покаяние и очищение, мы должны огнем выжечь суеверия и идолопоклонство лживого и разлагающегося гуманизма во имя христианской идеи человека.

Москва, 1919 г.

46